

РОССИЯ И РУССКИЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ С. МОЭМА (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК ПИСАТЕЛЯ»)

Савенкова А.Д.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия (603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), e-mail: savenann@mail.ru

В работе рассматриваются особенности отражения образа России и русских в публицистическом произведении У.С. Моэма «Записные книжки писателя». Установлено, что в заметках о России Моэма отчетливо выделяется три смысловых блока, которые можно считать ключевыми: 1) анализ происходящих политических событий и их основных героев, т.е. собственно того, зачем С. Моэм был послан в Россию с секретной миссией; 2) заметки и размышления о русских в целом, например, о русских женщинах, о русском характере, об отдельных сторонах жизни и быта чужой страны и т.д.; 3) рассуждения о русской литературе и ее героях. Делается вывод, что в «Записных книжках писателя» У.С. Моэма представлен типичный набор оценок и заблуждений, которые свойственны многим англичанам при взгляде на русскую культуру. Знание этого может способствовать совершенствованию кросс-культурных коммуникаций Англии и России.

Ключевые слова: английская публицистика 20-х гг. XX в., образ России и русских, У.С. Моэм, «Записные книжки писателя».

RUSSIA AND RUSSIANS IN S. MAUGHAM'S JOURNALISM (ON THE MATERIAL OF «A WRITERS NOTEBOOK»)

Savenkova A.D.

Nizhny Novgorod State University. NI Lobachevsky Nizhny Novgorod, Russia (603950, Nizhny Novgorod, Gagarin ave., 23), e-mail: savenann@mail.ru

Russia and Russians in S. Maugham's journalism (on the material of «A Writer's Nootebook») (A.D. Savenkova). In this article considered the features of the reflection of the image of Russia and Russians in «A Writers notebook» written by S. Maugham . In the notes about Russia S. Maugham is distinctly outlined three semantic unit: 1) analysis of current political events and their main heroes, i.e. why Maugham was sent to Russia on a secret mission; 2) notes and reflections about Russians, for example, about Russian women, Russian character etc.; 3) discussion about Russian literature. The conclusion shows a typical set of estimates and errors which are typical for Englishmen. This knowledge can help improve cross-cultural communications England and Russia.

Keywords: english journalism (XX century), the image of Russia and Russians, S. Maugham, «A Writers Notebook».

Уильям Сомерсет Моэм (William Somerset Maugham; 1874, Париж – 1965) широко известен как романист и драматург. В 1949 году издаются его «Записные книжки» («A Writer's Notebook»). Время действия всего произведения – с 1892 по 1949. Место действия – родная Англия, не менее родная Франция и любимый Дальний Восток, Малайзия и Америка, Гавайи и Транссибирская магистраль. Именно в «Записных книжках» в публицистической форме описываются подробности поездки писателя с тайным заданием в Россию летом 1917 года. Взгляду самого С. Моэма на эти события как раз и посвящены страницы произведения Моэма «Записные книжки писателя» («A Writer's Notebook»), датированные 1917-м г.

Сам автор так характеризует особенности избранного им подхода к анализу материала – это предельная наблюдательность, основанная на здравом смысле: «Природа не слишком щедро одарила меня, зато я обладаю силой воли, и это, в известной мере, помогло мне

восполнить мои недостатки. Мне не откажешь в здравом смысле. Люди, в большинстве своем, почти ничего не замечают, я, напротив, с предельной ясностью вижу, что у меня под носом; самым великим писателям и кирпичная стена не мешает видеть насквозь. Мой взгляд не так всепроникающ. Многие годы меня изображали циником, я говорил правду. Я не хочу выдавать себя за кого-то другого и в то же время не склонен принимать на веру чужие притязания» [1, с. 6].

Мозэму присущ определенный «литературоцентризм» во взгляде на Россию. Сам писатель обосновывает излишнюю «литературность» своей интерпретации русской жизни тем, что узнать близко реальных людей чужой страны помешает языковой и культурный барьер: «Пропасть, разделяющая англичан и русских, широка и глубока. Языковой барьер трудно преодолеть, и это всегда будет препятствовать сближению. Даже если хорошо знаешь язык, все-таки знаешь его недостаточно хорошо, и люди не смогут забыть, что ты иностранец, и будут вести себя с тобой несколько иначе, чем друг с другом. Лишь чтение книг помогает понять иностранцев, и тут полезнее читать второстепенных писателей, чем первоклассных. Великие писатели творят; писатели скромного дарования воспроизводят» [1, с.3].

Иными словами, С. Мозэм использует свое знание русской литературы и ее героев в виде своего рода мерки, которую он прикладывает, описывая реальных людей, с которыми встречается: «А когда сравниваешь людей, которых знаешь, с людьми, о которых читал, складывается мнение возможно и не вполне соответствующее истине, но, во всяком случае, независимое, разумное и обоснованное» [1, с. 3]. Возможно, это не самый объективный метод судить о чужой стране и чужой культуре, потому что таким образом мы больше узнаем о внутреннем мире самого Мозэма, нежели об объекте его описаний.

Цель исследования: выявить особенности формирования образа России и русских в публицистике У.С. Мозэма 20-х гг. XX в. по данным современной имагологии в свете теории кросс-культурной коммуникации.

Материал исследования

В качестве основного материала исследования использовался оригинальный текст *Maugham, S.W.* «A Writer's Notebook» и его русский перевод.

Методы исследования

В работе использовались метод традиционного историко-литературного описания с элементами культурно-исторического, биографического, герменевтического методов и метод литературоведческого анализа текста.

Основное содержание работы

Анализируемый в работе фрагмент «Записных книжек», датированный 1917 г., написан в общем в том же ключе, что и вся книга. Это разрозненные заметки о совершенно не связанных между собой вещах, перемежающиеся размышлениями и лирическими отступлениями писателя на разные темы. Они лишены какой-то единой композиционной основы, напоминая тем самым образец жанра лирического, а не эпического повествования.

Но при этом в заметках о России Моэма отчетливо выделяется три смысловых блока, которые можно считать ключевыми: 1) анализ происходящих политических событий и их основных героев, т.е. собственно того, зачем С. Моэм был послан в Россию с секретной миссией; 2) заметки и размышления о русских в целом, например, о русских женщинах, о русском характере, об отдельных сторонах жизни и быта чужой страны и т.д.; 3) рассуждения о русской литературе и ее героях.

I. Политические события в России. Керенский, Савинков и другие. Большое место в «Записных книжках» писатель уделяет рассказу о политической ситуации в нашей стране. Весьма интересны его наблюдения о Съезде демократической партии в Александровском театре в Петербурге. Вот как он описывает присутствующих: «В целом они (делегаты) производят впечатление не вырожденцев, а просто не развитых и отсталых людей: у них невежественные грубые лица, пустой взгляд, в котором читается ограниченность, упрямство и неотесанность, и, несмотря на то, что некоторые в сюртуках и накрахмаленных воротничках, а другие в форме, в них чувствуется крестьянская медлительность» [1, с. 10]. Из всех, кто принял участие в съезде, Моэм выделяет лишь Керенского: «Единственный оратор, по-настоящему вызвавший энтузиазм на митинге, был Керенский» [1, с. 6]. Чем же он привлек писателя? Моэм не увидел в Керенском могущественного и сильного политика с наполеоновскими планами, каким его изображали многие. В переводе Е.М. Нарышкиной дается: «В нем совершенно не чувствуется силы». На собрании Керенский апеллировал к сердцу, а не к разуму. «Его искренность не вызвала во мне сомнений: я увидел в нем человека, который старается сделать все, что может, горящего бескорыстным желанием послужить не так отчизне, как соотечественникам» [1, с. 11]. Моэм увидел в нем «бескорыстное желание послужить... отчизне и соотечественникам». (He was filled with a very pure enthusiasm to serve not so much to his country as his fellow countrymen» [3, с. 173], – писал У.С. Моэм в «Записных книжках».)

«Литературоцентричность» записок Моэма проявляется в самом способе художественного изображения реального человека. В его описании Керенский напоминает «несчастливого» героя русской литературы (возможно, что-то из Достоевского), вызывающего жалость: «На протяжении беседы он все говорил и говорил так, словно не в силах остановиться, в нем постепенно проступило нечто жалкое; он пробудил во мне сострадание,

и я подумал: уж не в том ли сила Керенского, что его хочется защитить [выделено нами. – А.С.]; он чем-то располагал к себе и тем самым вызывал желание помочь...» [1, с. 13].

В плане теории кросс-культурной коммуникации интересен фрагмент, когда Моэм описывает культурные различия в восприятии моделей поведения политических деятелей в России и Англии. По его мнению, в Англии и России людей этого круга оценивают не просто за разные, но за прямо противоположные вещи: «В России пылкость Керенского сослужила ему добрую службу, здесь любят непосредственное выражение чувств; у меня с моей английской сдержанностью это вызывало чувство неловкости. Меня коробило, когда его голос то и дело пресекался от волнения. Я конфузился от того, что такие благородные чувства выражаются в открытую. Но в этом и состоит одно из тех различий между русскими и англичанами, из-за которых мы никогда не сможем понять друг». – Искренность в выражении чувств воспринимается сдержанным англичанином как нечто неподобающее, неприличное рядовому человеку и тем более – политическому деятелю на вершине власти.

Литературная изысканность для Моэма порой выше правдивости в изображении происходящего. Его «Записные книжки» – это прежде всего записки писателя. Прихотливость мысли и удачно найденная деталь значительно удаляют заметки писателя от хоть какого-нибудь жизнеподобия. С другой стороны, для человека, который, подобно Моэму, недостаточно знал реальную обстановку в стране, трудно было постичь всю сложность идеологической борьбы, уяснить позицию различных политических партий и группировок, правильно оценить и проанализировать ситуацию.

Не без изрядной доли самоиронии он писал впоследствии о том, что миссия сия была неблагодарной и заведомо обреченной, сам он – никудышным «миссионером», а Керенский и компания – партнерами и того хуже. Потерпев фиаско и уехав за 48 часов до падения Временного правительства, Моэм оставил оригинальные размышления и интересные наблюдения о своем пребывании в России.

II. Заметки о русских и о русской жизни. При всей оригинальности мыслей и парадоксальности рассуждений Моэм очень часто, возможно, сам того не замечая, отдает дань расхожим гетеростереотипам в трактовке России и русских, отчасти навеянным и русской литературой. Вполне соответствует таким гетеростереотипам рассуждения о крайностях и противоречивости загадочной русской души: «Русский патриотизм – это нечто уникальное; в нем бездна зазнайства; русские считают, что они непохожи ни на один народ и тем кичатся; они с гордостью разглагольствуют о темноте русских крестьян; похваляются своей загадочностью и непостижимостью; твердят, что одной стороной обращены на Запад, другой на Восток; гордятся своими недостатками, наподобие хама, который оповещает, что

таким уж его сотворил Господь, и самодовольно признают, что они пьяницы и невежи; не знают сами, чего хотят, и кидаются из крайности в крайность» [1, с.4].

Часто в «Записных книжках» Моэм грешит скоропалительными обобщениями, которые он не дает себе труда обосновывать. Автор оценивает достоинства и недостатки русских людей и приходит к выводу, что «...у русских чувства полностью захватывают личность и поработают ее. Они как эолова арфа, на которой сотня ветров наигрывает сотню мелодий, так что кажется, что инструмент невообразимо сложен» [1, с. 4].

По-писательски погружаясь в мир собственного воображения, Моэм часто путает жизнь и литературу: «только благодаря чтению книг можно получить наиболее полное представление об иностранцах». Он сам неоднократно подчеркивает неразграниченность русской жизни и русской литературы в его писательском сознании: «Нельзя совершить экскурс в русскую литературу или в русскую жизнь и не заметить, какое огромное место занимает там острое чувство греха. Русский не только постоянно говорит, что он грешен, но, безусловно, чувствует это и страдает от угрызений совести. Они (русские) более склонны к самоанализу и обладают более острым чувством греховности» [2, с. 318].

Без сомнения, к этому выводу Моэма привели произведения Достоевского. Незамедлительно Моэм переносит прочитанное на характеристику реальной русской жизни: «Кстати, русские не такие уж большие грешники. Они ленивы, несобранны, слишком словоохотливы, плохо владеют собой и поэтому чувства свои выражают более пылко, чем они того заслуживают, но, как правило, они незлобивы, добродушны и не злопамятны; щедры, терпимы к чужим недостаткам; плотские страсти, пожалуй, не захватывают их с такой силой, как испанцев или французов; они общительны, вспыльчивы, но отходчивы» [1, с. 13], – иными словами, все страсти русских преувеличенны и гротескны, они не стоят ровным счетом ничего, так как возникают на пустом месте...

Один из главных пунктов Моэма – развенчание расхожего гетеростереотипа о загадочности русской души. Моэм везде, где можно и нельзя, хочет сорвать этот флер загадочности, нарочито огрубляя и заземляя возможные причины этой загадочности. Все страсти по поводу русской души сильно преувеличены, считает С. Моэм: «Русские, как мне кажется, непохожи на нас» [1, с. 13].

А обостренное чувство совести и желание постоянно слезливо каяться в грехах у русских Моэм связывает с «одной физиологической причиной», имя которой – пьянство («Вся нация мучается с похмелья»): «То-то была бы потеха, если бы водку запретили и русские в одночасье потеряли те свойства характера, которые так занимают умы склонных к сентиментальности западных европейцев» (С.14).

III. Размышления о русской литературе. Изображая русских людей, Моэм всегда обращается к русской литературе, интерес к которой возник у писателя за много лет до поездки в Россию в 1917 году: «Россия. Причины, подвигнувшие меня заинтересоваться Россией, были в основном те же, что и у большинства моих современников. Русская литература самая очевидная из них. Толстой и Тургенев, но главным образом Достоевский описывали чувства, каких не встретишь в романах писателей других стран. Величайшие романы западноевропейской литературы рядом с ними казались ненатуральными» [1, с. 3].

Достоевский всю жизнь был для Моэма великой и неразгаданной тайной, в его исключительной гениальности писатель был убежден свято: «... взявшись за Достоевского («Преступление и наказание» я прочитал в немецком переводе), я был озадачен и потрясен. Его роман так много мне открыл, что я прочитал один за другим все великие романы этого величайшего писателя России» [1, с. 4].

Моэм отдает должное мощному и изобразительному таланту Л. Толстого: «Анну Каренину» я прочитал еще мальчишкой задолго до того, как начал писать сам, впечатления о романе у меня сохранились самые смутные, и когда много лет спустя я перечел его, уже как произведение искусства, с профессиональной точки зрения, оно показалось мне сильным и неожиданным, но несколько суровым и не согретым чувством» [1, с. 4].

Чехов Моэму весьма симпатичен своей жизненностью. В отличие от титанов Толстого и Достоевского, возвышающихся над жизнью обыденности на недостижимой высоте, Чехов ближе писателю именно своей особой погруженностью в жизнь: «В Чехове я нашел душу, во многом близкую мне. Я чувствовал, что только у Чехова можно найти ключ к пониманию этой загадочной России... Никто не умеет так четко, как он, передать ощущение места, тональность пейзажа, разговора человека. И делает это Чехов очень просто, без глубокомысленных рассуждений и подробных картин, – одним только точным изложением фактов. Чехов обладает душевным волнением и умеет так передать его, что это волнение находит у вас отклик, и вы становитесь его соавтором <...> Virtuозность Чехова не бросается в глаза, и может показаться, что эти рассказы написал бы каждый, вот только никто так не пишет и это факт» [1, с. 5].

Отдавая дань русской классике, из современной писателю русской литературы он не выделяет никого. В Горьком он видит простого бытописателя «пролетарской жизни от лица пролетария»: «Горький оставил меня равнодушным. То, о чем он писал, было мне любопытно и ново, но сам он показался мне писателем не крупного дарования; его вполне можно читать, когда он без лишнего пафоса описывает жизнь низов, но мой интерес к трущобам Петрограда быстро иссяк; а его рассуждения и философические отступления представляются мне банальными. Талант Горького неотъемлем от его происхождения. Он

писал о пролетариате, как пролетарий, в отличие от большинства авторов, трактовавших эту тему с буржуазной точки зрения» [1, с. 9].

Славу других писателей – Короленко, Сологуба, Куприна – он полагает излишне раздутой, наваянной модой на все русское: «Русские писатели так вошли в моду, что даже люди здравомыслящие склонны весьма преувеличивать достоинства некоторых из них лишь потому, что они пишут по-русски, и в итоге Куприну, к примеру, Короленко и Сологубу уделялось внимание, отнюдь ими не заслуженное. Сологуб, на мой взгляд, незначительный писатель, но сочетание чувственности и мистицизма, несомненно, делает его притягательным для определенного круга читателей» [1, с. 9].

В целом отметим, что «русская тема» в произведениях Моэма очень важна для изучения, вовсе не для того, чтобы оспорить сомнительные и неверные суждения. Ошибки Моэма поучительны, и даже негативный опыт такого художника имеет несомненную познавательную ценность, лишний раз убеждая в неумолимости им же самим сформулированного закона: «Пиши о том, что знаешь». Даже в той части, где сам Моэм нарушает этот закон, этот закон действительно неумолим, потому что в фрагментах, где остроумие писателя подменяет его познания в области русской жизни и русской культуры, для того, кто знаком с русской литературой и культурой не понаслышке, все натяжки и передержки обнаруживают себя самым явным образом.

В произведениях Моэма, безусловно, виден серьезный подход к жизни; он задавался вопросами, требующими от читателя встречной работы мысли. Всякий раз он остается верен себе; он увлекателен и оригинален в своем неповторимом писательском почерке. Выделяя несомненные творческие достоинства писателя в его публицистических заметках (талант рассказчика, верное изображение жизненных явлений, яркие образы героев), уместно отметить, что в погоне за литературными эффектами в «Записных книжках писателя» он нередко жертвует жизненной правдой. «Записные книжки писателя», как и незаурядная личность их автора, вызывали и вызывают разное отношение, но только не равнодушие. Диалог, который автор ведет с читателем, всегда интересен. Он вызывает на разговор с сопоставлением суждений, оценок и точек зрения. Именно это обуславливает необходимость поставить вопрос об оценке культурной позиции Моэма, представленной в «Записных книжках писателя», с точки зрения теории кросс-культурной коммуникации.

Результаты исследования

Оценивая кросс-культурную компетенцию Сомерсета Моэма, можно сказать, что публицист имел определенные навыки общения с представителями различных культур: Сомерсет Моэм посетил огромное количество стран и сталкивался практически со всеми видами и типами культур мира. В его произведении «Записные книжки» описано не только

путешествие по Транссибирской магистрали, но и родная Англия, не менее родная Франция и любимый Дальний Восток, Малайзия и Америка. Однако в сравнении с Г.Уэллсом Моэм допускает очень много несправедливых и просто неправильных оценок изображаемого, которые к тому же необоснованны, рисует пристрастный и крайне субъективный образ России. Он не настроен на понимание другой культуры, ему, как писателю, важнее разобраться в своем собственном внутреннем мире.

Выводы

Взгляды, изложенные в «Записных книжках писателя», имеют много противоречий и порой резких суждений, но их изучение очень важно с точки зрения англо-русских кросс-культурных отношений. Позиция Моэма примечательна тем, что она воплощает достаточно типичный набор гетеростереотипов России и русских (пусть и в оригинальной версии писателя) с точки зрения определенной части образованных британцев, которые не очарованы всем русским, а сохраняют достаточно прохладное отношение к России. «Записные книжки» также представляют типичный набор оценок и заблуждений, которые свойственны многим англичанам при взгляде на русскую культуру. Знание этого может способствовать совершенствованию кросс-культурных коммуникаций Англии и России.

Список литературы

1. Михальская, Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX –XIX вв. – М.: МПГУ, 1995. – 257 с.
2. Моэм, У.С. «Записные книжки» 1917 г. / С. Моэм // Литературное обозрение. – 1999. – № 4. – С. 3–15.
3. Моэм, У.С. Искусство слова: О себе и других. Литературные очерки и портреты / У.С. Моэм. – М.: Худ. Литература, 1989.
4. Condon, J., Fathi, Y. An Introduction to Intercultural Communication. New York, 1975.
5. Maugham, W. Somerset. A Writer's notebook. Great Britain: Penguin Books, 1967.
6. Trager, G., Hall, E. Culture as Communication: A Model and Analysis. New York, 1954.

Рецензенты:

Полуяхтова И.К., д.фил.н., профессор кафедры зарубежной литературы, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.

Шарыпина Т.А., д.фил.н., профессор кафедры зарубежной литературы, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.